

П. Б. СТРУВЕ

Подлинный смысл и необходимый конец большевицкого коммунизма. По поводу смерти Ленина

Когда умер Ленин, мне приходилось почти со всех сторон встречать какие-то большие ожидания, связанные с этим фактом. Я этих ожиданий не разделял и оказался прав.

Смерть Ленина, сама по себе, решительно ничего не изменила в положении вещей в России. Это неудивительно. Реально и личность и значение Ленина были вовсе не те и не такие, какими их представляли себе коммунисты и еще более враги коммунистов.

В истории есть два вида значительных людей. Одни таковы в силу своего личного содержания, которым они налагают на исторический процесс свою печать. Другие выражают лишь какую-то большую историческую, добрую или злую, стихию, являясь ее исполнителями и орудиями. Первые люди всегда лично значительны, ибо они сами содержательны, самобытны. Вторые представляют комбинацию каких-то личных свойств, которую можно в известном смысле назвать одаренностью, с силами исторической стихии.

В Ленине перед нами второй случай. Его идейное содержание было неоригинально, и в своей существенной неоригинальности он, как ум, был лишен даже какой-либо одаренности. Все его умственное содержание это — марксизм в его внутренне противоречивом, логически и объективно несостоятельном варианте. Но этот скудный и плоский ум был наделен огромной и гибкой волей, не только безоглядной, но и совершенно бесстыжей. Всякой сильной воле присущ более или менее значительный гипнотизм, некая степень неотвратимой заразительности. Воля Ленина была заразительна, и она, вместе с его «революционным» содержанием, соединившись с волнами разбуженной и разнузданной темной исторической стихии, привела к торжеству коммунистической революции.

Воля политического деятеля не есть просто натиск и напор. Она есть всегда упор, она всегда способна осуществлять и на самом

деле осуществляет «обходы». Ленин был мастер тактики вообще и «обходов» в частности. Я сказал однажды, что в Милюкове нет ни грана Ленина, но в Ленине сидит нечто от Милюкова. Это значит, что Ленин, будучи революционером, был тактиком. Эта комбинация революционера и тактика, вообще говоря, морально весьма трудная, осуществлялась в Ленине с полной, я бы сказал, артистической легкостью. Ленин был абсолютным аморалистом в политике, и потому ему было легко быть таким превосходным и успешным тактиком.

* * *

Политико-психологической комбинации революционера с тактиком соответствовал и личный психологический тип Ленина. Это была смесь палача с лукавцем. То, что в Ленине всегда отталкивало тех людей, которые когда-то были его единомышленниками в главном и основном, была именно эта ужасная смесь. Я уже писал однажды, что и Г. В. Плеханов, и В. И. Засулич, и М. И. Туган-Барановский, и пишущий эти строки, несмотря на все различие своих темпераментов и даже взглядов, испытывали некое общее глубочайшее органическое отталкивание от самой личности Ленина, от его палаческой жестокости и абсолютной неразборчивости в средствах борьбы¹. Душа прямой и нежно-тонкой Веры Ивановны Засулич прямо содрогалась и сжималась при соприкосновении с этим человеческим воплощением лукавой злобы.

Но именно такой человек и мог напоить своим ядом и оседлать народную стихию. В стихии этой огромную силу с 1917 г. возымели всегда тлеющие в человеческой природе искры и семена злобы и ненависти, предательства и хамства. Как ловкий тактик, Ленин со своими «товарищами» разжигал эти искры, в то же время всю силу своей воли и все могущество своего подпольного гипнотизма направляя на организацию власти. Палач и лукавец, революционер и тактик в одном лице, Ленин был великим органическим властолюбцем.

К власти вообще, и особенно в эпохи социальных и политических бурь, органически призваны только те, кто власть любят и жаждут ее. Властолюбие было у Ленина подлинной стихией его существа. Вся его личность была объята этой похотью. В этом страшном властолюбии была его сила как политического деятеля и организатора партии.

Смерть Ленина не изменила и не могла ничего изменить в положении вещей в России. Это вытекает вполне естественно из реальной личности Ленина и основанного на ней реального значения его деятельности, как мы их обрисовали выше. Смерть Ленина

если что-нибудь и изменила в положении вещей, то лишь в том смысле, что она еще больше, чем то было раньше, легендой о Ленине закрыла Ленина действительного.

* * *

Легендарный Ленин есть порождение глубокой монархической потребности, живущей во всяких массах вообще и тем более в сырых, детски наивных русских народных массах, с их нарушенным душевным равновесием, с их повышенным до болезненности воображением. Легендарный Ленин, вырастающий в «Красного Царя», есть социально-психологическое явление, подобное «самозванцам» XVII и XVIII вв., столь же уродливое и столь же причудливое.

Коммунистическая партия тщится народную легенду о Ленине превратить в настоящую пристойную (а если угодно, совершенно непристойную) коммунистическую «традицию» и, при помощи легенды, эту традицию прочно внедрить в народное сознание. Здесь возникает для коммунистической партии труднейшая задача, чреватая огромной борьбой и великими неожиданностями и опасностями. Ибо не может подлежать сомнению, что легендарный Ленин есть какая-то не только причудливая, но и прямо фантастическая проекция реального основателя коммунистической партии в душах людей, которые никогда не были и не будут коммунистами, ниже социалистами, никогда не были и не будут интернационалистами. Проекция, или призрак, Ленина либо станет, как я сказал, «пристойной» коммунистической традицией и тогда потеряет свою ему сейчас присущую национальную соль, либо обратится против этой традиции и тем самым против коммунистической партии. В лице ленинской легенды большевизм может стать против коммунизма.

* * *

Я бы хотел еще отметить одно соотношение, существенное для исторического понимания большевистской революции и для политического осмысливания всего нами пережитого. В успехах и победах большевистского коммунизма огромную, можно сказать, решающую роль сыграло наше неверие в успехи коммунизма, наша неспособность и нежелание считаться с их возможностью и вероятностью. Ленин пришел к власти потому, что враги коммунизма не верили ни в его успех, ни, еще менее, в прочность этого успеха. В этом неверии, в этом «нечутком сне» и в этом невнимании к опасности большевизма со стороны его противников — самая главная ошибка, великое историческое заблуждение и, если угодно, преступление антибольшевиков. Это значение неверия, которое было

и непониманием, а тем самым известным пониманием, опровергает те трафаретные исторические объяснения, которые, если можно так выразиться, рационалистически исключают человеческий ratio, разум, или ведение, а также человеческое недомыслие и неведение из ряда «творящих» или «определяющих» историю сил. Летом 1917 г. коммунистическому большевизму с относительной легкостью и с огромными шансами на успех не только главы правительства, сперва кн. Львов, а потом и Керенский, но, что еще более существенно, частные лица в порядке революционной инициативы могли нанести разительный и уничтожающий удар. И если они этого не сделали, то только потому, что не верили в силу и прочность коммунистической революции и не учитывали ее значения для всего будущего страны.

* * *

Независимо от вопросов, чем был реальный Ленин, какой смысл имеет легенда о Ленине и во что в истории обернется легендарный Ленин, ставится вопрос о подлинном смысле большевистской революции и утвержденного ею коммунистического владычества.

Коммунистическая власть раскрыла этот смысл в действии, глубоко символическом.

Санкт-Петербург, иначе град Св. Петра, иначе Петроград, переименован в Ленинград.

В этом символическом действии, сочетающем в себе дерзкую святотатственность с подлейшим и глупейшим хамством, сказано о деле Ленина самое главное и самое важное.

Ленин, как вершитель и организатор коммунистического интернационала, оборвал традицию и разрушил дело Петра Великого, отбросив Россию, как государство, в XVII в. И сделал он это разрушительное дело сперва при явной поддержке внешнего врага, ведшего с нашим государством войну, а потом при более или менее откровенной или прикровенной поддержке того же дела всеми враждебными нам внешними силами.

Делом Ленина явилось умаление и расчленение Державы Российской. Ленин использовал безумие русских народных масс для того, чтобы на алтаре мировой социальной революции заклать Россию. Ибо что ему было до России, он ведь не Петр, который, находясь в опасности плена, призывал Сенат думать не о Петре, а о России?!

В этом «призвании» Ленина к разрушению России и ее могущества — ключ к «признанию» русских коммунистов буржуазным миром. Локализованная Россией социальная революция, социальная революция как болезнь одной только России на руку тому миру,

который враждебен могущественной и здоровой России, который целые столетия ненавидел ее, творя о ней ядовитую легенду.

Но в этом деле, т. е. в коммунистическом разрушении России и в его «признании» внешним некоммунистическим миром, есть своя собственная разрушительная для разрушителей логика. С одной стороны, на разрушении нельзя ничего построить, а с другой стороны, те, кто проповедают, творят и поощряют разрушение, и не могут ничего строить. Они только притворяются строителями. Нельзя было произвести коммунистическую революцию в России только для того, чтобы превратить Россию в колонию для буржуазной Европы, управляемую в ее и в собственных интересах коммунистической партией. Действительный Ленин, творец Брест-Литовского мира и погромной демобилизации России в разгар войны, может превратиться в легенду о Ленине как «Красном Царе», но «коммунистическая партия» не может, без великого сдвига и разительного переворота, превратиться в националистическую легенду о самой себе.

А между тем у владычествующего над Россией коммунизма есть наследник и преемник, которого никакими ни заклинаниями, ни «признаниями», ни даже «демократиями» нельзя ни отвести, ни покорить. Это стихийный, в унижениях, страданиях и муках рождающийся и возрождающийся русский национализм.

Разве не примечательно и не замечательно, что коммунисты, преследуя своих врагов, походя обвиняют их в «государственной измене» и «шпионаже»? Люди, рожденные от пломбированного вагона и духа Интернационала, этими обвинениями сами готовят суд и гибель и себе и своим воистину похабным инициалам С. С. С. Р. Вопреки своей воле, и они теперь вынуждены проповедовать и, пожалуй, даже исповедовать национализм, т. е. то начало, попрание которого, сознательное у одних, животное у других, составило содержание большевистско-коммунистической революции.

Какая же «партия» сменит коммунистов, не в порядке призрачной эволюции, призываемой и, может быть, пестуемой иностранцами, а в той Божьей грозе и буре, которая неотвратимо должна прийти для России?

У этой «партии» есть только одно имя: русская. И как русская, она не будет партией.